

1. Мы ничего не сможем понять в современной эпохе и ее разломах, если будем заикливаться только на содержании Ислама. Мы увязнем в трактовках и интерпретациях, в антитезах: «религия мира – религия войны», в разнообразии течений и направлений. Поэтому исходным пунктом своих рассуждений я бы сделала то, что, выходя за двери отдельной квартиры или за пределы мозга отдельного человека, претендуя на политическую программу, Ислам становится идеологией. И рассматривать его необходимо как часть идеологической картины мира.

2. И до периода исламского возрождения в мире хватало радикальных идеологий. Не мусульмане придумали террор, самоподрывы, мучительные массовые казни. В эпоху противостояния систем (которое, очевидно, является предтечей «столкновения цивилизаций») маоистские левацкие группы творили преступления, вполне сопоставимые с действиями запрещенного ИГИЛ. В самой Европе терроризм существовал, не имея никакого отношения к исламу. Если запрос на радикализм существует, то он всегда найдет себе идеологическую форму выражения.

3. Однако по сравнению с теми временами произошло одно принципиальное изменение. Если раньше граница между противоборствующими системами – «капитализмом» и «коммунизмом», демократическими и фашистскими режимами – проходила достаточно четко и нарушалась в основном только в ходе войн, то сейчас мир принципиально изменился. Люди различных взглядов, мировоззрений, ценностей и культур, воспринимающие друг друга как чужаки, смешиваются в глобальных городах как общемировых цивилизационных центрах. Информационные технологии делают неизбежной диффузию самых разных позиций и мировоззрений. Это – та реальность, в которой мы существуем. И эти процессы не остановить. Научиться жить с чужаками, среди чужаков – основной вызов современности. На который пока не найдено адекватного ответа.

4. Ситуацию явно не упрощает то, что многие государства за пределами развитого мира проходят сложный и конфликтный процесс социальной трансформации, сопровождающийся разрушением традиционных устоев, активной урбанизацией, новыми социальными запросами. Один из таких запросов – это запрос на идеологию, которая позволяла бы по-новому осмысливать мир и себя в этом мире. В мире, где, с точки зрения живущей там молодежи, сложно найти точку опоры, где вокруг – несправедливость и ханжество, где правят сильные и подавляют слабых. В подобных условиях запрос на радикализм становится практически неизбежен. Если же территория длительное время находится в состоянии перманентного кровавого конфликта, она без вариантов будет порождать насилие и терроризм.

5. В результате мы сейчас наблюдаем в мире процесс, очень напоминающий исламскую реформацию. Как и реформация христианская, она во многом движима фанатичными приверженцами религиозных взглядов, отрицающими как основы традиционного восприятия религии, так и основы современной цивилизации вообще. Они беспощадны к врагам, стремятся детально регламентировать жизнь тех, кто оказался в пределах контролируемых ими территорий, разрушают памятники прошлого. То есть делают то же, что делали представители радикальных протестантских течений. Сложно прогнозировать, что будет результатом исламской реформации. Но можно предположить, что исламский мир после нее никогда не будет прежним, как неотвратимо изменился Западный мир после реформации христианской.

6. Таким образом, вместо столкновения цивилизаций мы видим чрезвычайно сложную мозаику мусульманского мира, в котором есть:

- мусульмане, затронутые в разной степени исламской реформацией или не затронутые ею вовсе;
- различные группы «пуристан ислама», часто имеющие чрезвычайно разнообразные, вплоть до полной противоположности, взгляды на свое позиционирование в современном мире, допустимые методы борьбы за свои идеи, виденье социального идеала.

7. К чему в подобных условиях приводит восприятие ситуации в логике столкновения цивилизаций?

- Мы лишаемся серьезных сторонников в борьбе против радикалов. Те представители исламской реформации, которые являются последователями умеренных фундаменталистских течений, скорее смогут переубедить (и реально переубеждают!) стремящихся примкнуть к радикалам, чем «чужаки», относящиеся к другой культурной традиции.
- Мы плодим радикалов, поскольку заставляем всех мусульман чувствовать себя людьми второго сорта, ответственными за несправедливости, к которым они не имели отношения, а часто и терпеть притеснения просто из-за того, что они – не та цивилизация. А это порождает протест и агрессию.
- Мы сами становимся агрессивны и нетолерантны, поскольку чувствуем, что наше жизненное пространство захватывают чуждые силы, несущие разрушение и смерть, и видим эту угрозу в каждом бородатом мужчине, в каждой женщине в хиджабе, в каждой новой мечети. Мы сами становимся фанатиками.

8. Угроза внутреннего перерождения западных ценностей свободы под воздействием «столкновения цивилизаций» в этих условиях становится одной из наиболее серьезных. Либеральная идеология базировалась на идее неотъемлемых прав и свобод человека, любого человека, независимо от цвета кожи, национальности и вероисповедания. А не только белого, продвинутого цивилизованного. И в этом – заявка на глобальную роль либерализма, на его общечеловеческую значимость. Далеко не всегда в истории эти стандарты удавалось выдерживать. Но шаг за шагом западное общество двигалось в этом направлении. Концепция столкновения цивилизаций, фактически отказываясь от этой идеи, вводя коллективную ответственность по критерию вероисповедания, дает свой ответ на глобальный вызов современности. Но этот ответ приведет к разрушению ценностной основы европейской цивилизации. И тогда только и останется, что с пеной у рта защищать разнообразие шмоток в магазинах и уютный бар за углом (только для белых).

9. Какова альтернатива? Она просматривается по следующим направлениям:

- 1) Безусловно, усиливать борьбу против тех, кто реально угрожает стабильности общества, против носителей идеологии насилия и террора, против нарушителей закона. Но это – дело правоохранителей, дело спецслужб, и не должно приводить к нарушению прав и свобод основной массы населения, вне зависимости от его национальности, вероисповедания и мировоззрения.
- 2) Использовать те резервы снижения радикализма, которые есть внутри самого исламского сообщества, давая возможность проповедовать умеренным

проповедникам, не ущемляя права мусульман по сравнению с представителями других конфессий.

3) Менять настроение в обществе, преодолевая «столкновение цивилизаций» в головах, отторжение представителей мусульманского сообщества просто потому, что эти люди несут другую культуру, выглядят по-другому, по-другому строят свою жизнь. Наверное, делать это придется на основе следующих принципов:

- узнавать: то, что понятно – не страшно;
- уважать: люди, не разделяющие наши ценности – вовсе не обязательно дикари и варвары;
- договариваться: только на основе диалога можно найти взаимоприемлемые формы общежития;
- приобщать к своей культуре и приобщаться к чужой, не стремясь при этом нести «миссию белого человека».

10. Времена не выбирают. У конфликтов сегодняшнего мира нет простого и линейного разрешения. Не получится строить китайские стены. Не выйдет спрятаться в собственных уютных загончиках. Глобализация имеет свою цену. И нам, таким разным, все равно придется научиться сосуществовать, жить вместе. Вопрос в том, с какими издержками.